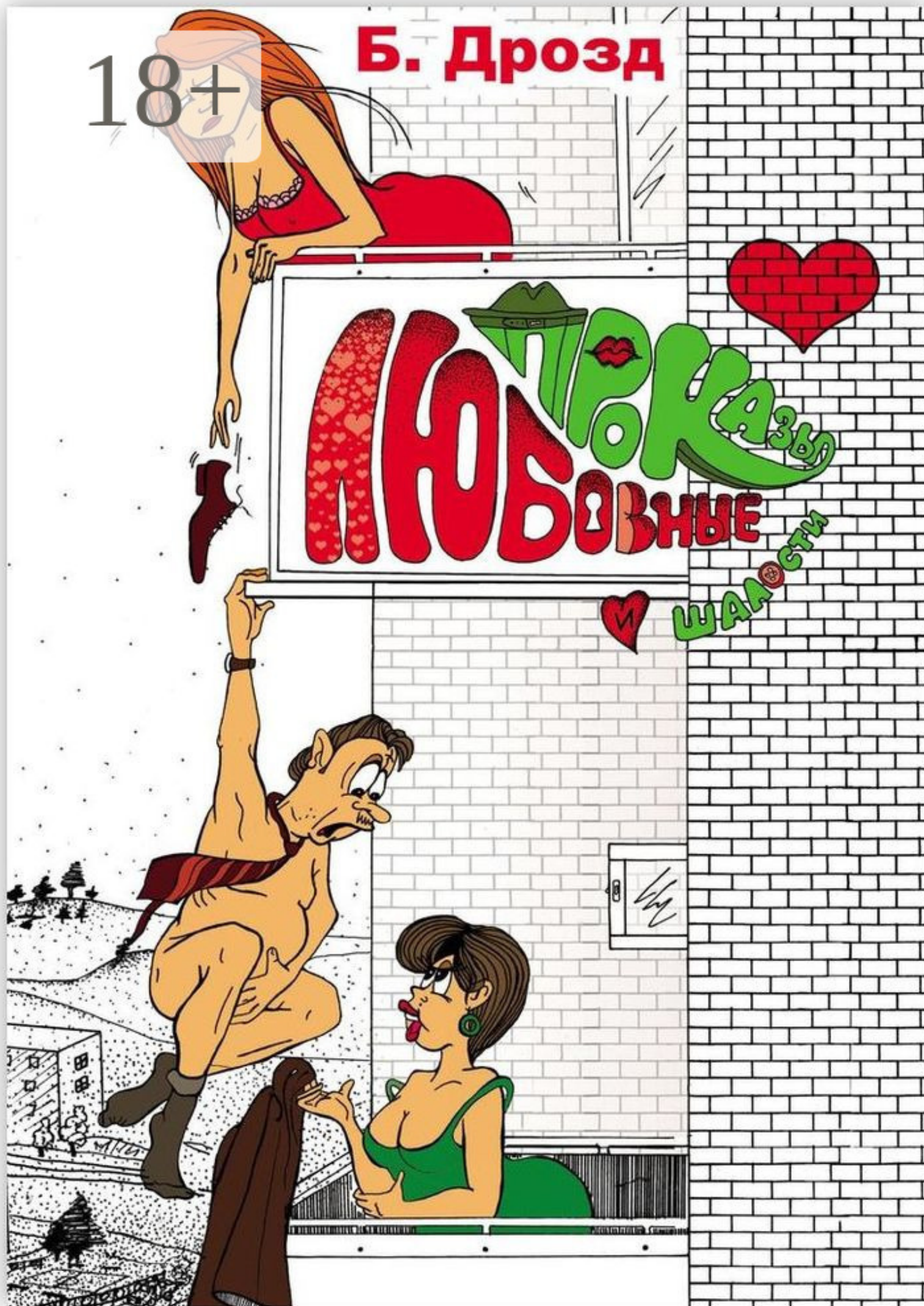

18+

Б. Дрозд

Борис Дрозд

Любовные проказы и шалости

«Издательские решения»

Дрозд Б. Д.

Любовные проказы и шалости / Б. Д. Дрозд — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-932043-8

Название книги говорит само за себя. Это — сборник юмористических рассказов о любовных похождениях и приключениях героев и героинь, разные казусные, смешные случаи и события, в которые попадают герои этой книги — любовники и любовницы, — невероятные истории, которые случаются с героями. Читается увлекательно. География — от Москвы до Дальнего Востока. Спектр героев — самый широкий. Основная тема — смех+смех и еще раз смех. Жанр и направление — развлечение.

ISBN 978-5-44-932043-8

© Дрозд Б. Д.
© Издательские решения

Содержание

Скверный анегдот	6
Пригрели!	13
Горе луковое	20
Неосторожность	25
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Любовные проказы и шалости

Борис Дмитриевич Дрозд

© Борис Дмитриевич Дрозд, 2018

ISBN 978-5-4493-2043-8

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Скверный анегдот Месть оскорбленной жены

Андрей Жмакин, прораб одной московской строительной компании, притащился домой ночью к себе в Бирюлево из вертепа, где провел с друзьями вечер у проститутток. В стельку пьяный Жмакин поднимался пешком на свой двенадцатый этаж, шатаясь от стены к стене, отдыхая на лестничных площадках и кляня последними словами жилищников из-за сломавшегося лифта. Как бы ни был Жмакин пьян, но он вспомнил об утаенных от жены деньгах – десяти тысячах рублей премии, которую он получил за сдачу объекта, будучи начальником строительного участка. Поднявшись наконец-то на свой этаж, дыша, как рыба, выброшенная на берег и ощущая биение рвавшегося на части сердца, Жмакин остановился перед своей 161-й квартирой и перед тем, как отпереть дверь, достал оставшиеся деньги из кармана пиджака, пересчитал их и ужаснулся – осталось всего тысяча семьсот рублей скомканных бумажек – остатки от загульного набега на проституттский вертеп. Совесть его шевельнулась. «И это все? М-да! Слава богу, что хоть эти еще уцелели! Надо бы хоть немного денег в семью принести, нехорошо все-таки», – подумал он.

И он переложил деньги из кармана пиджака в карман брюк – поближе, чтобы сразу же отдать их жене все до последней копейки. Но как объяснить ей происхождение денег? «А-а, скажу ей, будто в бильярд выиграл. С друзьями, мол, до полуночи в бильярд играли», – подумал довольный Жмакин.

Однако через минуту он вдруг передумал. Семья семьей, подумал он, а заначка все же должна быть. Без нее же никак нельзя. Даже пива, как следует, не попьешь, не то, что к проститутке сбегать.

И он, несмотря на непослушные пальцы, скатал единственную оставшуюся тысячерублевую купюру в трубочку и вставил в сигаретную пачку любимого им «Бонда» – она в аккурат вошла вместо сигареты. А оставшиеся деньги решил отдать жене.

Открыв дверь своим ключом, он долго нащаривал на стене выключатель, зажег свет, и тут, потеряв равновесие, покачнулся и уронил висевший на стене цветочный горшок, который с грохотом упал на пол и разбился. «Вот жалость-то какая!» – подумал он. – Ох, не к добру... не к добру это!»

В комнате справа от входной двери послышался скрип кровати и шорохи. Наверное, это проснулась жена. И точно – она вышла в прихожую, завязывая на ходу пояс желтого махрового халата. В это время Жмакин, опершись о стену спиной и пытаясь с ее помощью сохранить устойчивое положение, подняв ногу, развязывал шнурок туфли.

«Скотина, опять нализался! – подумала жена.

– Ты где был? – сердито спросила она.

– Мариночка... я сегодня никакой, – вымолвил Жмакин. – Ты меня, пожалуйста, сейчас не пытай, я утром тебе все расскажу... Все-все! А теперь я хочу баиньки...

– Ты где был, спрашиваю? – погрознела жена в голосе.

– Ну, понимаешь, забурились с друзьями в бильярдную после работы... и... до самой ночи... Обо всем позабыли... что уже ночь, там же нет окон, Марьян, дневного света, то есть... Окна задрап... – Тут Жмакин икнул. – То есть задрапированы. Или нет... задрапир... – Жмакин снова икнул. – Ну, темно, то есть... Так увлеклись, что позабыли обо всем на свете!

– С какими еще друзьями?

– Ну что ты, Марьянка, как маленькая!. Какие у меня еще могут быть друзья? С Васькиным да с Авдеевым, с кем же еще... Сегодня же пятница, мамочка, разве ты забыла? Конец недели, святой мужской день...

– Скотина – вот ты кто! Являешься за полночь пьяным и еще сказочки мне рассказываешь!

– Ну почему сразу скотина? – возмутился Жмакин. – Как чуть что – так сразу с... – Жмакин опять икнул. – Скотина... Пятница же... Разок-то в неделю можно расслабиться, отвлечься от семьи, от работы, от заботы, а то голова кругом идет от этих нарядов да разнарядов, отчетов да расчетов, с ума же можно сойти...

С минуту-другую жена наблюдала за тем, как благоверный, все так же навалившись спиной на стену, все еще не может справиться с туфлей, верней со шнурком, пытаясь развязать затянувшийся узел.

– Марьян, а я, между прочим, семьсот рублей в бильярд выиграл... Вот... в к... – Жмакин снова икнул. – В кармане лежат... Да помоги мне шнурок развязать!

И тут, наклонившись сильнее, Жмакин вдруг навзничь рухнул на пол. Его организм, почувствовав горизонтальное положение, вероятно, принял это как сигнал к отбою и тотчас же свернул все свои двигательные функции. И сознание Жмакина тоже отключилось, и он больше и не говорил и не шевелился.

«Сволочь! – разозлился жена. – Ну, и сволочь же! Что делать? Ну, что делать с этим окаянным? И эти дружки его – все как один, негодяи и пьяницы!»

Она подошла к лежащему на полу мужу и с ненавистью изо всех сил ущипнула его за нос. Но благоверный даже ухом не повел. «Так бы нос у гада и откусила! – злилась женщина. – Проучить бы его как-нибудь, отомстить за все его похождения, за эти его пьянки-гулянки, за все мои муки, за мои бессонные ночи...» – думала она.

Но как отомстить?

«Вытащить его за порог, на лестничную площадку, пусть там валяется... Пусть проснется там на холодном бетоне... Будет знать, как в следующий раз пить с дружками... Впрочем, нет, там он, пожалуй простудится, хлопот потом не оберешься, да и пожалуй, разденут его», – соображала женщина.

И ничего подходящего не приходило ей в голову. «Черт с тобой, валяйся в прихожей до утра, буду я еще с тобой цацкаться», – решила она.

И, погасив свет, пошла спать.

Но не успела она лечь, как в голову ей пришла мысль о том, что если проснется среди ночи дочь, семилетняя Лидочка, пойдет в уборную и увидит в прихожей лежащего отца... пожалуй, испугается еще... Да и если эта скотина до утра не очухается, нехорошо будет, если Лидочка увидит спящего на полу отца... Она-то ведь думает, что отец у нее допоздна, а то и по ночам работает – в три, как он говорит, смены...

Пришлось ей встать, раскинуть стоявший в зале диван, бросить туда одну подушку. Затем она пошла в прихожую и включила свет.

Благоверный дрых без задних ног. С неимоверным трудом, ухватив мужа под мышки, перетасила она его обмякшее тело до дивана, затем, опустившись на коленки и поднатужившись, закатила мужнино тело на диван, как бревно. Подсунула под голову подушку.

«Скотина! Ну, ты у меня завтра получишь!.. А про какие это семьсот рублей он говорил? Мол, выиграл в бильярд... Врет, наверное...» – вспомнилось вдруг ей.

Она залезла мужу в карман брюк – ничего, только пачка сигарет «Бонд». Она затолкала ее обратно. Перевернула мужа на другой бок и залезла в другой карман и выгребла оттуда деньги. Расправила купюры, пересчитала – точно семьсот рублей, значит, не соврал муженек, правду сказал.

Она сунула деньги в карман халата и тут взгляд ее упал на мужнины туфли, которые лежали прямехонько на новеньком пледе. «Туфли-то мерзавцу надо бы снять с ног, ведь будет ворочать с боку на бок и перепачкает плед грязной обувью, не иначе», – подумала она.

И она один за другим стянула с него туфли, не расшнуровывая обуви. И теперь ей уже стало жаль его новенького пиджака, который, пожалуй, сомнется и вид потеряет, и его потом не отгладишь, и стало жаль мужниных брюк, которые тоже сомнутся, и ей же придется их гладить...

И как ни была она зла, как бы ни негодовала на мужа, бережливость и практичность взяли верх над злостью. Одежда-то ни при чем, она денег стоит, ее беречь надо, – решила она.

И женщина отнесла мужнины туфли в прихожую, поставила на резиновый коврик у дверей, вернулась в спальную и стала раздевать мужа. Приподняв его тело и ворочая его с боку на бок, стала стаскивать с него пиджак. Тут муж на секунду проснулся, с усилием держа голову на весу, открыл глаза и пробормотал: «Марьянка, ты что? ты не кантуй меня, пожалста, я ж в ауте...».

– Молчи уж, змей проклятый! – в сердцах проговорила женщина.

Но голова мужа уже обмякла и отвалилась назад. «Голым бы тебя на мороз, чтоб ты знал, проклятуший!» – сетовала женщина, борясь с его тяжелым телом.

Справившись с пиджаком и повесив его на спинку стула, она принялась за брюки – расстегнула ремень и замок-молнию на ширинке, ухватила обеими руками за пояс и стала тянуть брюки вниз, выворачивая их наизнанку вместе с плавками.

И тут что-то выпало из внутренностей мужниной одежды, какой-то комочек. Кажется, выпал из его плавков. Недоумевая, женщина бросила его брюки и плавки на спинку стула и подняла этот комочек с пола, который на ощупь был мокрым. Вышла с ним в прихожую, на свет и... обомлела!

Комочек оказался использованным презервативом.

Марина с отвращением отшвырнула его от себя, судорожно передернула плечами и побежала в ванную мыть руки, дрожа от ужаса и отвращения. Но затем вернулась, подобрала резинку и бросила ее в помойное ведро.

«Так вот в какой ты бильярдной был! – с гневом думала супружница, отмывая руки под умывальником. – Мерзавец! Негодяй! Ох, и мерзавец же! На бабе был и даже презерватив не удосужился с себя снять и выбросить!»

Ей захотелось тотчас же будить мужа, бить его в гнев по щекам или бить его скакалкой, Лидочкиной скакалкой; хотелось засунуть этот гадкий презерватив ему в рот, чтоб он захлебнулся своей спермой, или засунуть ему в задницу...

Но гнев ее мало-помалу улегся, и будить его она передумала. Что толку? – только шум сейчас поднимешь и ребенка разбудишь.

По обыкновению всех жен, действующих в чрезвычайных обстоятельствах, коими были столь явные улики мужниной неверности... и, скорее всего, неверности давней, она стала обыскивать его одежду. И сразу же – о, ужас – новая улика! В заднем кармане брюк она нашла неиспользованный запечатанный презерватив.

«Та-ак! Понятно всё, чем ты занимаешься, мой миленький! Понятно мне всё и про твою ночную, третью смену!»

Она сунула презерватив в карман халата. Затем стала обыскивать накладные карманы пиджака – ничего не нашла, ключи какие-то. Вот этот от их квартиры... а этот неизвестно чей... И она сунула его у карман халата, как еще одну улику.

А когда она стала обшаривать внутренние карманы пиджака, ее ждал еще один неприятный сюрприз. Она вытащила оттуда какой-то конверт с жирным штемпелем его фирмы «Строительная компания «Адмира» с надписью: Жмакин Андрей Николаевич – 10000 рублей.

Повертела конверт в руках, соображая. «Деньги ему на работе дали за что-то, – догадалась она. – Премию, наверное, выдали, а он от меня утаил... Вот мерзавец! Пропил деньги, прогулял с бабами и с дружками, а домой от десяти тысяч всего семьсот рублей принес, кото-

рые якобы в бильярд выиграл... Ну, погоди, ты у меня, я тебя научу семейной жизни, я тебя от твоих загульных холостяцких привычек отучу! Я тебя от дружков отважу!»

Осененная жаждой мести и желая хоть как-то досадить мужу или проучить его, женщина стала обдумывать план мести. Тут из кармана халата она достала новенький презерватив, который до этого она мяла нервно пальцами. «Надуть бы его, как шарик, а на шарике нацарапать „Привет тебе от всех любовниц!“ Или: „С приветом, Катя!“ – и привязать шарик к его руке? Утром проснется – ошалеет, а я посмеюсь».

Но это показалось ей неубедительным, вернее, недейственным. Ей хотелось позлить его, досадить ему, заставить его страдать, посмеяться над ним, как он, наверное, смеялся над ней, изменяя ей со своими любовницами.

И тут, словно бы с той же неизбежностью, с какой распутывается клубочек, ниточка за ниточкой, так и ее мысль шла по следам найденных улик. Ей вдруг пришло в голову соображение о том, что если у него есть любовница, то не спит же он с нею, пользуясь презервативом. Это ведь факт. Это было бы обидно для женщины да и... Значит, он был в каком-то грязном месте, спал с какой-то случайной или грязной девкой и притащил, не дай бог, заразу в дом, собиравшись лечь в постель, даже не побывав в ванной! Ну, мерзавец!

Ее гневу и обиде не было предела, и жажда возмездия сверлила мозг.

Тут муженек, лежавший голеньким на диване, всхрапнул во сне и перевернулся на бок, задницей к ней. «Храпишь, негодяй! Невинным прикидывался, бильярдист чертов! Наверное, каждую пятницу к девкам таскался, деньги прогуливал, от семьи утаенные! Засунуть бы тебе эту грязную штуку прямо в задницу!»

И тут ее осенило. «А что? Пусть знает, мерзавец этакий... Он того заслуживает!»

С решимостью обиженной и оскорбленной женщины Марина пошла в ванную комнату, надела перчатки, в которых делала уборку в квартире, достала грязный комочек из помойного ведра, обильно смазала его вазелином и вернулась в спальную. «Вот тебе, будешь знать, как жену обманывать и деньги семейные на девок транжирить!»

И, раздвинув мужу ягодицы, затолкала комочек поглубже в заднее место. А затем накрыла спящего мужа покрывалом, чтобы утром дочь, случайно войдя к ним, не увидела отца, лежащего голым.

Совершив все это, женщина подумала-подумала и решила вернуть все найденные ею улики на прежнее место, то есть в карманы одежды мужа.

Утром она проснулась пораньше, приготовила завтрак, отправила дочь в школу – муж все еще спал, хотя шел уже десятый час. Она терпеливо ждала, перелистывая модный журнал.

Часов в десять послышались из спальни тяжкие вздохи. Она решила, что, наверное, муж уже проснулся, налила кефиру в стакан и понесла в спальную.

Жмакин проснулся на диване с ощущением конца света и полным провалом в памяти. Морщась от головной боли и жажды во рту, он несколько минут мучительно вспоминал вчерашний день, вернее, вечер. Помнил только, что с приятелями забурились после пивного бара, где отмечались премию, на квартиру к проституткам. Номер телефона наугад выбрали в газете, позвонили, к ним приехали сутенеры на авто и отвезли всех троих на квартиру. А что было дальше – ничего не помнил. Какой-то круговорот женских лиц и, кажется, даже мужских. Женские лица были, кажется на квартире у проституток, а мужские? Ничего не вспоминалось про рабу, даже лица ни у одной женщины не запомнил. Даже в каком районе были и как до дома добирался обратно и куда девались друзья, не помнил.

И тут вошла жена со стаканом в руке.

– Проснулся? Выпей, миленький, наверное, у тебя голова болит, – проговорила она весело.

Жмакин ошалел от такого утреннего настроения жены, которая вместо разборок еще и улыбается ему и опохмелку несет (а опохмелялся он только кефиром, спиртное он на другой же день ненавидел). Он сел на диване, свесив ноги, и залпом осушил стакан.

– О-ох! – выдохнул он, выпучив глаза от удовольствия. – В глаза бы эту заразу больше не видел!

– Еще? – Жена держала пакет с кефиром в руках.

– О, как ты меня ублажаешь, золушка ты моя! – расчувствовался Жмакин, целуя ей руку. И залпом осушил второй стакан.

– Мойся сейчас, брейся и завтракать будем, – проговорила жена таким же веселым голосом.

От золушкиного поведения жены Жмакин вдруг вспомнил о дочери и вспылал отцовскими чувствами.

– А где Лидочка?

– В школе, где же ей еще быть...

– Надо бы с ней сегодня в зоопарк сходить... Давно уже обещал...

– Да, конечно же надо бы... Вот и сходи...

И ушла на кухню. И – ни слова упрека, ни надутости, ни молчания – этого самого зверского и мучительного супружеского наказания. Жмакин натянул плавки и мигом помчался в ванную комнату.

Он с удовольствием мылся в душе и с еще большим удовольствием брился тут же, под душем, подставляя лицо текущим струям воды и, как воображалось ему, смывая с себя всю вчерашнюю грязь. «М-да, прогулял деньги – нехорошо, ох, нехорошо! А было ли удовольствие – ей-богу, не помню, хоть убей сейчас!.. Но Маринка-то, Маринка-то какова! Не жена, а золото, клад, да я горы для нее теперь сворочу! По крайней мере, гулять теперь брошу точно. И пить тоже брошу», – радостно и счастливо думал он.

Правда, подумав о том, что гулять и пить он бросит, Жмакин тут же прикусил губу. Пожалуй, до следующей пятницы и пить и гулять он точно бросит, а в пятницу он еще подумает, решил Жмакин.

Побрившись и сложив бритвенные принадлежности на полочку, Жмакин обмыл тщательно и любовно свое мужское достоинство, тщательно промыл волосы на лобке, еще раз намылил губку, а затем, расставив ноги пошире и немного наклонившись вперед, стал намыливать себе задницу, область промежности, напевая про себя веселый мотивчик.

И вдруг что-то выпало из него, какой-то комочек, прямо ему под ноги. Ему показалось сначала, что отвалился краешек износившейся губки. Жмакин поднял комочек с днища ванной и... не поверил своим глазам – это был использованный презерватив. Это был его презерватив, вчерашний, с усиками на головке! Вернее, точно такой же!

«Откуда он взялся? С неба, что ли, свалился?» – с недоумением и даже с некоторым страхом подумал загульный прораб.

Он закрыл краны, остановил потоки воды и поднял голову вверх, словно бы и в самом деле, презерватив мог свалиться ему под ноги с неба. Насухо вытерев руки полотенцем, Жмакин еще раз взял презерватив в руки и стал его тщательно исследовать, то растягивая резинку, то сжимая ее.

Было ясно только одно – презерватив носил на себе следы чего-то жирного. Вода стекала с него, как с кожи, намазанной гусиным салом. И даже на ощупь он был жирный. Явно он был намазан чем-то жирным и скользким перед употреблением. А кто его употребил? Кто ему туда его засунул, да так, что он там и остался?

Жмакин чуть не взвыл от мысли, что это вообще могло случиться... нет, что это уже случилось! Ведь сомнений быть не могло – презерватив вывалился из его задницы. Больше ему неоткуда было вывалиться. Значит... значит, кто-то там, в борделе, или еще где-нибудь

его, пьяного поймел в задницу, пока он был мертвецки пьян? «А я-то еще с утра чувствую, что у меня там что-то не то... не так, как будто мне там что-то расковыряли, что-то как бы жжет... – с ужасом думал Жмакин. – Но где? Где же мы были? И кто эта сволочь? У-у! А-а! – втихомолку выл он, чтобы не слышала жена.

Мысль о том, что он так опростоволосился, напился до того, что позволил себя опустить, и теперь... теперь он опозорен, что он уже не мужик, а педик – из той, яростно ненавидимой им касты голубых!

Ему вспомнилась чья-то мужская рожа на какой-то квартире, ухмыляющаяся, наглая, и он почти вскричал от ярости.

– Ты чего там, милый? – услышал он голос жены, и она постучала в дверь. – Что-нибудь случилось?

– Ничего, все нормально, просто обжегся горячей водой, – с усилием выговорил в ответ Жмакин...

«Кто бы это мог быть? Ну, в борделе же вроде бы мужиков не было... – все думал он. – Господи, все перепутались в башке! Кажется мы еще где-то были, кажется, не в одной квартире... А вот где были, не помню, убей, не помню!.. А может, это девки в борделе надо мной поиздевались оттого, что я раньше времени выпал из обоймы?... Господи, эти пьянки, будь они прокляты!»

Мысли одна другой хуже и беспощаднее жалили и терзали душу прораба, сверлили мозг незадачливого гуляки.

«А может, это друзья, Авдеев с Васькиным так пошутили? – еще более мрачная мысль пришла ему в голову. – А что? Напились, сволочи, и решили пошутить. Им же море по колено, этим раздолбаям, им спьяну, что баба, что мужик – все едино!»

Мрачный, шатающийся, точно пьяный еще более вчерашнего, вывалился Жмакин из ванной, в которой провел не менее получаса. Ничего не видя вокруг, одержимый одной только ужасной мыслью о случившемся, Жмакин уселся на кухне и уставился в одну точку.

– Завтракать будешь? – улыбаясь, спросила Маринка.

Жмакин отрицательно помотал головой.

– Даже кофе не будешь?

– Кофе, пожалуй, налей...

Жена налила кипятку, поставила перед ним чашку, пододвинула кофейницу и сахарницу.

Жмакин, все так же, не видя ничего перед собой, сыпанул одну, затем вторую, третью полные ложки кофе, просыпал мимо чашки четвертую, пока его не остановила жена:

– Да ты что, Андрюш? Мимо же сыплешь... И куда тебе столько? С похмелья сердце ведь остановится... И что это с тобой? Что ты с утра такой мрачный? Вроде веселым проснулся...

Жмакин пожевал губами, молча глядя в чашку, и ничего не ответил.

– Неприятности на работе, да? – допытывалась благоверная.

– Угу, – пробурчал он. – Одни только неприятности...

– Премию, наверное, не дали, да? Дом, что ли, вовремя не сдали?

Жмакин поднял голову и посмотрел на жену, прямо ей в глаза. Знает ли она что-нибудь о премии?

Но женщина спокойно выдержала его взгляд. Ни один мускул не дрогнул на ее лице. Как ни в чем не бывало пила она беспечно кофе, и Жмакин успокоился.

– Да нет, премию еще не распределяли, – вяло ответил он. – Просто несчастный случай, задавило одного чудика, ну этих, из провинции... Ну, скандал, само собой без премии останемся точно, а то еще могут фирму лицензии лишить... Придется новую работу искать.

– А-а, вот оно что! На твоём участке, что ли?

– В том-то и дело, – все так вяло ответил Жмакин.

Наступило молчание. Супруги пили кофе.

– Что ты ничего не расскажешь мне про бильярд? Как вчера ты поиграл в него с друзьями? – беспечным тоном поинтересовалась благоверная.

– Нету у меня никаких друзей! – вдруг рявкнул Жмакин и стукнул кулаком по столу.

– Ты чего это, Андрюш? Что это с тобой?

– Пошли все эти друзья к чертовой матери! Нету у меня больше друзей, и не напоминай мне о них! Были – и вышли все!

И Жмакин, поднявшись, вышел из кухни, сильно хлопнув дверью, вымещая на двери свою досаду и горькие, мрачные мысли. В зале он завалился на диван, заложил руки за голову и стал думать свою горькую, мрачную думу.

В зал заглянула жена, спросила тихим голосом:

– В запарк с дочерью пойдешь?

– Не знаю, может, пойду, а может, и не пойду, – сердито отозвался Жмакин. – Со школы придет – видно будет...

Маринка, улыбаясь и внутренне ликуя, торжествуя свою победу, напевая веселый мотивчик, мыла чашки в раковине...

Прошло три месяца. Жмакин уже не шляется по борделям и не пропивал премии с гулящими девками. И, вдобавок ко всему, отрезал от себя прежних дружков – Васькина и Авдеева. Точно их и не было в его жизни. Каждую пятницу он брал бутылку водки себе и бутылку шампанского Маринке, и они отмечали «святой мужской день» вдвоем, сидя на кухне или в зале за ужином.

Надолго ли перестал – кто его знает!

Пригрели!

Бобков Аркадий Михайлович, среди своих заводчан просто Аркашка, женский баловень, работавший электриком в женском коллективе электроцеха, черноволосый, кудрявый, смазливый малый тридцати шести лет, отправился к себе на металлургический комбинат в ночную смену. Но в ночную смену – это для жены, а на деле он взял отгул и явился ко двору, где жила его постоянная любовница, крановщица прокатного цеха Нинка Прокудина, о свидании с которой он предварительно договорился. Было уже одиннадцать часов вечера, немногим позже того времени, когда он обычно являлся к своей любовнице, если ее муж Григорий, кузнец того же, металлургического комбината, отбывал на работу в ночную смену.

Пройдясь под окнами своей любовницы, жившей на шестом этаже, Бобков посмотрел на три ее окна, выходящие во двор, – свет во всех трех окнах ее квартиры горел. По их условленному сигналу это значило, что муж уже уехал на смену. Бобков еще с пять минут походил по двору, потом посидел на лавочке для верности, положив на колени полиэтиленовый пакет с шампанским и конфетами и ожидая когда отвялят от входной двери в нинкин подъезд две заболтавшиеся бабы.

Но вот бабы разошлись, – одна из них вошла в этот подъезд, а другая потащилась в соседний. Выждав еще некоторое время Бобков подошел к входной двери в подъезд и набрал на табло домофона код нинкиной квартиры. Услышав низкий грубоватый голос своей любовницы: «Кто там?» – Бобков по условленному знаку спросил:

– Извините, это дом двадцать шесть корпус два?

На это ответа не последовало, – Нинка просто нажала кнопку домофона, открыла подъездный замок ипустила любовника в подъезд – как это обычно бывало.

Он поднялся на шестой этаж, – лифтом в целях конспирации Бобков не пользовался, – постоял и только после этого постучал условленным стуком – два обычных стука, а последний – двойной, дробный, – электрический звонок в квартире кузнеца не работал.

Дверь тотчас же отворилась, и любовница пустила своего друга.

– Ты чего так поздно, Аркаш? Он уже давно ушел...

– Пешком к тебе топал, аж задубел весь, автобусов почти час не было...

– Ну, проходи в комнату, я сейчас...

Бобков проследовал в комнату, сел в кресло и сразу же стал открывать шампанское, а его любовница – грудастая, пышнотелая бабенка – прошла в кухню собирать чего-нибудь на стол.

Однако, не прошло и четверти часа, только они устроились каждый в своем кресле у журнального столика, напротив телевизора, не успели даже шампанское по бокалам разлить, как вдруг в дверь застучали. Бобков вопросительно вскинул брови и посмотрел на побледневшую Нинку, у которой округлились глаза.

– Это муж, – со страхом и изумлением прошептала она. – Это он вернулся... С какой бы это стати?

– Откуда ты знаешь?

– Только он так ладошкой в дверь стучит, больше никому... Давай скорее на балкон!

Бобков быстро вскочил с кресла, шагнул к балконной двери, отодвинул портьеру, открыл балконную дверь и вышел на балкон. Нинка сунула открытую бутылку за кресло, мигом убрала в сервант бокалы, смела в руку со стола блестящую обертку от бутылки вместе с пробкой, сунула все это в карман халата, а затем тихонько, на цыпочках, стараясь не скрипнуть половицами, потащила тарелки с закусками обратно в кухню.

В дверь застучали еще нетерпеливее.

Сунув тарелки в холодильник, она также на цыпочках перебралась из кухни в зал, а затем – на балкон, где ожидал ее ошарашенный от такого неожиданного поворота событий любовник.

– Что будем делать? – спросил он.

С мучительным выражением лица, ломая руки, Нинка прошептала:

– Аркашенька, миленький, больше делать нечего, спустись, ради бога, по балкону на нижний этаж, иначе он нас обоих убьет! Он же ревнивый – ужас!

– Да ты что, шутишь? – в изумлении прошептал любовник.

Он глянул вниз и обомлел – если сорвешься, убьешься ведь точно, бесповоротно. И хотя балкон нижнего этажа был рядом и, вытянувшись, можно было, держась руками за балконные прутья, достать ногами до перил нижнего балкона, но он не акробат и не каскадер, чтобы совершать такие трюки.

– А что делать, Аркашенька? Умоляю тебя, миленький, спустись, он же нас просто задушит!

– Не, ну ты даешь! Подстрахуй меня хоть веревкой...

– Да ты что? Какая сейчас веревка! Пока я ее распутаю и сниму, он дверь вышибет...

В железную дверь уже застучали не ладошкой, а кулачищем, и грохот стоял на весь подъезд, а потом несколько раз в дверь пнули ногой, и Бобкову даже послышался из-за дверей басовитый голос кузнеца, исходившего матерными ругательствами.

Бобков понял, что наступила критическая минута не только в его любовных похождениях, но и во всей жизни – теперь либо он убьется сам, либо его убьет кузнец, Нинкин муж – эта здоровенная детина просто сожмет его в своих объятьях и спокойно задушит, так что он даже не пикнет.

– Аркашенька, ну что ты медлишь? Давай быстрее!

– А там ниже кто живет?

– Я даже не знаю! Мы же здесь всего второй год живем, я даже в лицо мало кого знаю...

– На смерть ведь обрекаюсь, Нинк? – тихо прошептал любовник, глядя вниз через перила.

И тут спохватился: – А туфли? Где мои туфли и куртка?

– Лезь давай, сейчас туфли сброшу, а куртку потом заберешь, я ее сейчас спрячу...

– Господи, спаси и сохрани раба божьего Аркадия Бобкова... – крестясь, шептал Бобков.

Хоть и был он неверующим, но перекрестился по обычаю многих, кто идет на дело, полное смертельной опасности – это он часто видел по телевизору в многочисленных сериалах. После этого он перелез осторожно через перила и стал спускаться вниз, держась за прутья и вытягиваясь во весь рост. Несколько секунд он, повиснув над бездной, сучил ногами в поисках опоры, пока, наконец, не нащупал перила нижнего балкона. Благо на нижнем балконе были три бельевых шеста, прикрепленные проволокой к решеткам. Бобков, почувствовав под ногами опору, затем ухватился одной рукой за шест, потом второй рукой за другой шест, спустился ниже, на балконный выступ и вскоре, путаясь в развешенном на балконе белье, благополучно перелез через перила.

Тем временем Нинка сбегала в прихожую за его туфлями и бросила их вниз, обе сразу, но с перепугу сделала это так неловко, что обе туфли, ударившись о шест, не попали на нижний балкон, а... было слышно, как они шлепнулись где-то внизу на асфальт. «О, черт! – ругнулся Бобков. – Новенькие туфли, три с половиной тысячи за них отдал, так и не успел поносить!..»

Нинка, убедившись, что любовник цел и в безопасности, закрыла балконную дверь, а затем, напустив на себя сонный вид, побежала открывать входную дверь. По пути она сняла с вешалки и сунула куртку своего любовника на самое дно стоявшей в коридоре «прихожки».

– Сейчас, Гриша, сейчас! Иду!

– Ты чего так долго не открывала? – спросил кузнец, вваливаясь в квартиру и сопя от негодования, как паровоз под парами, вызванного непредвиденной и долгой задержкой у родных дверей.

Он снял с головы фуражку, повесил ее на верх вешалки, а затем стал расшнуровывать ботинки.

– Телевизор смотрела и разомлела что-то... уснула на диване, зевая, ответила Нинка.

– А чего ключ из замочной скважины не вытащила?

– Ну, забыла-забыла, Гришенька, успокойся... А ты чего вернулся? Что-нибудь случилось?

– Случилось! – сердито ответил кузнец, который еще не мог унять в себе расходившиеся волны негодования. – Электричество на заводе отключили из-за долгов, вот и распустили нас по домам... Началось теперь, без зарплаты сидеть будем!..

– А вторая смена тоже не работала?

– Тоже простояли, – уже спокойней ответил кузнец, вешая свою черную кожаную куртку на вешалку.

– Есть будешь? – беспечно, как ни в чем не бывало, спросила жена.

– Спрашиваешь! Я уже проголодался! Тащи все, что есть!

Бобков тем временем стоял на неведомом балконе, прижавшись спиной к стене, озирался с пятого этажа пустой, полутемный двор и не знал, что ему предпринять. Его душу свербил злость и на себя, и на любовницу, и на Гришку, невесть почему-то припершегося с работы домой... К тому же его начинало уже трясти и от холода, и от возбуждения, которое он пережил, когда он вдруг на миг только представил, что было бы, если бы... теперь бы он валялся уже на асфальте, нет, не он бы валялся, а его труп, и через три дня над его гробом игрался бы похоронный марш...

И от одной только мысли о такой близкой, реальной, притом глупой смерти его обдало новой волной холода. «Ох, и дурак же я, ох и дурак!» – ругал он себя, стуча зубами. – На какую авантюру дал себя уговорить! Нет, я теперь из семьи – ни ногой! Ни к одной бабе больше не попрусь, будь они все прокляты! Только себе на заднее место приключений искать!» – в сердцах думал он.

В комнате, что была за балконной дверью, свет не горел, в соседнем окне тоже было темно. Бобков толкнул балконную дверь – она была заперта изнутри, – значит, придется ему здесь куковать бог знает, сколько времени. Может, даже хозяев в городе нет, может, они в отпуск уехали.

Бобков тогда поглядел вниз, думая о том, можно ли таким же манером, с балкона на балкон, перебраться до второго этажа, а там спрыгнуть вниз – второй этаж невысоко над землей, но... все же он предпочел пока не рисковать, а отдался на волю обстоятельствам.

На балконе висело белье – простыни, пододеяльники, полотенца и кое-что по мелочи, а среди всего прочего – женское белье. Бобков смекнул, что если на балконе висит белье, значит, хозяева в городе и никуда не уехали, а значит, он когда-нибудь все-таки выберется отсюда.

От этой мысли незадачливый любовник немного повеселел, и ему в голову пришла счастливая мысль: он пощупал белье – оно было холодное, но сухое. Тут же висело тоненькое одеяльце, – Бобков снял его, отстегнув прищепки, которые сложил на подоконник, затем снял пододеяльник, две простыни, после чего обернул себя сначала одеялом, а затем пододеяльниками и простынями и стал походить на белый кокон. Опустившись на корточки, он проделал в новом одеяле отверстие и стал нагонять туда теплый воздух, то есть дышать внутрь. Стало вроде теплее, так что он даже пригрелся и стал подремывать в ожидании какой-нибудь участи, которая с течением времени разрешится.

Прошло не менее получаса. Вдруг свет в комнате загорелся, послышалось звяканье щекотки – и на балконе появилась женщина с распущенными волосами и в халате. Бобков сидел ни жив, ни мертв.

Вдруг женщина громко хмыкнула, огляделась по сторонам и сказала сама себе, явно недоумевая:

– Хм, и куда ж это белье подевалось? Неужто ветром сдуло? Вот, дура, не могла побольше прищепок нацепить! Ничего не понимаю, вроде бы и ветра не было...

Она перегнулась через перила, всматриваясь в темноту двора, а затем обернулась и шагнула к двери, вероятно, затем, чтобы идти в комнату, а затем во двор искать пропавшее белье. И тут взгляд ее упал на белый ком, наваленный в углу. Женщина снова озадаченно хмыкнула и проговорила:

– Фу ты, черт, вон куда его снесло! А я голову совсем потеряла...

Она приблизилась к Бобкову, протянула руку и ухватила за пододеяльник, потянула его на себя, и тут, увидев чью-то рожу, выглядывавшую из белого одеяния, испуганно вскрикнула и бросилась вон с балкона, крича от страха:

– А-а-а!!!

– Постойте, женщина, – вскричал Бобков, прыгая в своем коконе за ней следом. – Я не вор, я не бандит... Я случайно сюда упал!

– Бобик! Бобик! – истошно вопила женщина. – Сюда! Скорей!

Бобков приготовился к встрече с неведомым мужчиной по имени Бобик, придумывая весомые аргументы объяснения, как он здесь оказался, и на всякий случай разоблачаясь и вылезая из своего кокона, чтобы освободить себе руки на случай нападения Бобика, если тот вдруг вздумает рукоприкладствовать, а то еще, может, что и похуже – вдруг прибежит с ножом или с топором в руках. Распутав руки, Бобков вошел в комнату, схватил подвернувшийся тут же стул с мягким сидением и приготовился употребить его как средство защиты.

И тут вдруг в комнату, дверь которой с громким стуком распахнулась, вбежал не неведомый мужчина, но и отнюдь не Бобик, а огромная московская сторожевая овчарка. Рыча, собака кинулась на него, но Бобков инстинктивно поднял стул вверх, и овчарка уткнулась в него мордой. Она пыталась обойти это препятствие слева, потом справа, хотела даже перепрыгнуть через стул, опираясь на него передними лапами и вставая на задние, но Бобков стерег свою жизнь бдительно и действовал стулом так умело, как истинный рыцарь действует щитом, защищаясь от наскока врагов. Так что как пес ни старался добраться до чужака, он всякий раз упирался мордой в стул.

А Бобков тем временем пытался убедить хозяйку, скрывавшуюся где-то в глубинах квартиры:

– Послушайте, пожалуйста, я не вор... я не хочу вас ни убить, ни ограбить, видите ли... я тут... случайно... я сверху сбежал... меня преследуют... уберите собаку... я вам все объясню...

– Бобик держи его, я сейчас милицию вызову!

Пес, видя, что ему не добраться до чужака, грозно рыча и глядя на Бобкова налитыми кровожадной злобой глазами, стал караулить каждое его движение.

– Постойте, пожалуйста! Просто выпустите меня из квартиры... По крайней мере послушайте... не звоните в милицию...

Тыча стулом в морду собаке, он пытался обойти пса и пробраться в прихожую и объясниться с перепуганной женщиной, но сторожевая всякий раз преграждала ему путь, а сдвинуть эту громадину с места и оттеснить ее к дверям, не было никакой возможности.

– Пожалуйста, выйдите сюда... Выслушайте меня...

– Наконец, женщина появилась в комнате, держа в одной руке топор, а в другой – трубку беспроводного телефона.

– Если вы сделаете хоть шаг, я разможу вам голову! – решительно заявила она.

– Да вы послушайте меня... – снова начал Бобков выдвигать свои аргументы. – Видите, я в ваше белье завернулся от холода, я целый час сидел на вашем балконе... Если бы я был вор и пытался бы проникнуть в вашу квартиру, я бы разбил или вырезал стекло... Я мог бы вас сразу по голове ударить, когда вы на балкон вышли или задушить, а я... ну, понимаете? Я не вор, я сюда попал случайно...

Эти слова как будто подействовали на женщину, испуг сошел с ее лица, и она приобрела способность соображать осмысленно. К тому же Бобков с запутавшимися в ногах одеялом, простынями и пододеяльниками, из под которых выглядывали его ступни в носках, без обуви, мало походил на воришку или прочего злоумышленника. И она как будто поверила, что этот неожиданный гость не воришка, но топор, тем не менее, она не из рук выпускала.

– Тогда объясните, как вы попали на мой балкон? – уже спокойнее спросила она.

Бобков ткнул указательным пальцем вверх.

– С верхнего этажа, с балкона перелез на нижний балкон, а потом на ваш...

– Из какой вы квартиры?

– Не знаю, кажется... кажется, из сотой... – Бобков решил спасти честь своей любовницы и не выдавать ее. – Я в гости пришел, вернее меня привели... на седьмой этаж, а потом там все перепились, а один чудик с топором по квартире давай гоняться за всеми... приревновал жену, я спрятался на балконе, а он разбил стекло... махал топором... ну и пришлось мне вот так бежать из квартиры... Видите, я даже без обуви, она там осталась...

– Господи прости! Да что ж там за изверг такой живет? – уже участливо спросила она.

– Люди вроде порядочные, меня на день рождения пригласили их друзья, прямо с работы я пришел... ну и вот что вышло...

Женщина, кажется, ему окончательно поверила.

– Ах, боже ж мой! – вдруг мучительно простонала она. – Вы же мне все белье перепачкали! Опять же заново стирать! Снимайте его с себя и давайте сюда!

Бобков начал распутывать себя и вылезать из кокона. Сторожевая внимательно следила за каждым его движением и вслушивалась в интонации голоса своей хозяйки.

– Ну, и что же вы собираетесь дальше делать?

– Не знаю, я просто бежал, жизнь свою спасал... Два балкона пролез, думал до первого этажа спуститься, но одумался, и дальше спускаться испугался... Вы меня просто выпустите из квартиры, я домой поеду...

– Ладно уж идите... выпущу вас... Бобик, сидеть на месте... Сидеть! – Она погрозила ему пальцем, и пес оставался сидеть, в то время как Бобков и хозяйка квартиры проследовали к дверям, ведущим на лестничную площадку.

В прихожей женщина внимательно оглядела его.

– Что ж вы так без обуви и пойдете?

Бобков пожал плечами.

– А что делать? Туфли там остались, но я туда – ни ногой... Домой так поеду, как-нибудь доберусь...

– Может вам такси вызвать?

– Нет, не надо, я на улице поймаю...

– Да что ж вы так... без обуви, ведь холодно же, простудитесь... Стойте, у меня есть тут туфли, от мужа еще остались... Не знаю, подойдут ли вам... Вы какой размер носите?

– Сорок второй.

– А он сорок третий носил...

Она наклонилась, выдвинула ящик из стоявшего в коридоре мебельного «пенала» и вытащила несколько пар туфель.

– Вот, меряйте...

Бобков выбрал себе коричневую пару, почти новую, с неизношенными каблуками и стал надевать туфли...

– Я верну, обязательно верну вам, – заверял он хозяйку.

– Ладно уж... носите... Зачем они мне? Я уж пятый год, как овдовела...

И тут, когда Бобков уже почти приготовился покинуть ее квартиру, она, словно спохватившись, вдруг проговорила:

– Ой, вы ж, наверное, замерзли! Может, чаем вас напоить?

– Что ж, не откажусь... Чай мне сейчас в самый раз, стаканчика бы два!

Через четверть часа он уже в кухне по-свойски пил чай с печеньем домашней выпечки и болтал с хозяйкой о том, о сем, а сам тем временем рассматривал и кухню и, разумеется, саму хозяйку.

Старый бабник был приятно удивлен чистотой кухни, белым кафелем на ее стенах, розовым кафелем в туалете и голубым в ванной комнате, где он мыл руки. От хозяйки, тоже Нины, кстати, невысокой, стройной женщины лет сорока пяти, с густыми темными волосами, вкусно пахло не то туалеткой не то туалетным мылом. И вся она была опрятная, ладная, ухоженная, видно, что готовилась ко сну, и веяло от нее тихим домашним теплом и уютом, так что Бобков не очень-то заторопился домой.

«О, эта штучка другого полета, – думал Бобков о ней в то время, когда женщина вышла в комнаты. – Нет, это не то, что моя Нинка – грубая, неотесанная, вечно без прически и под ногтями грязь, а пахнет от нее в последнее время черт знает чем! Гришка, наверное, не моется там у себя, вечно потный ходит, спит с Нинкой и пропитал ее этим запашищем. Нет, надо бы менять направление главного удара!.. А вот бабешечка, хоть и постарше меня, но не старая, в самый раз – одинокая вдовушка, чистенькая, с квартирой, – вот уютное лежбище от семейных передраг!.. О, я бы тут покувыркался!.. Интересно, есть ли у нее любовник?»

Когда Нина снова появилась на кухне, Бобков поднялся со стула, вздохнул и проговорил с величайшим, заметным, но наигранным сожалением:

– Ладно, попили чаю, согрелись, пора и домой...

– Да куда же вы пойдете на ночь глядя? Оставайтесь уж, я вам на диване постелю... – проговорила Нина, глядя ему прямо в глаза своими серыми, зовущими глазами.

Бобков только и ждал этих слов и с превеликой охотой согласился.

Она постелила ему на тахте в той комнате, где находился балкон, но они еще потом какое-то время смотрели вместе телевизор, сидя на диване близко... очень близко друг к другу, а потом как-то само собой ловкий гуляка стал гладить ее по волосам и тихонько целовать, и женщина прижалась к нему, шепча ему в самое ухо:

– Давно... ой, как давно у меня не было мужчины...

Утром Бобков проснулся от запаха чего-то вкусного. Принюхавшись, он догадался, что это, скорее всего, жарится яичница с колбасой, и он, вспомнив все, улыбнулся сам себе приятной, веселой улыбкой удачливого любовника... Он вытащил из кармана брюк мобильник и посмотрел на часы – восемь утра, в самый раз, только что окончилась ночная смена, можно и домой двигать.

Бобков быстро соскочил с огромной, двухспальной кровати, натянул брюки, сорочку, вышел в зал и собрался уже было идти к Нине на кухню, как тут вдруг в дверь позвонили. И Бобков притормозил, опустился в кресле и притаился, чтобы не дай бог, не скомпрометировать хозяйку.

Слышно было, как Нина спросила, подойдя к двери:

– Кто?

– Соседи! – послышалось за дверью.

Загрохотало железо, и было слышно, как с противным визгом ржавого железа открывается входная дверь.

– Здравствуйте... – поздоровалась с Ниной вошедшая женщина.

– Здравсьте... – отвечала та.

– Тут в вашей квартире должен быть мужчина... Он с моего балкона к вам спустился, верните его назад... – потребовала вошедшая.

Бобков узнал такой знакомый, такой прежде родной, резкий и грубоватый голос своей любовницы Нинки.

– Да что вы? – спокойно отвечала его новая Нина. – Никого у меня не было и нет...

– К вам в квартиру попал мужчина с этажа выше... – настойчиво заявила Нинка. – Я это на сто процентов знаю! Если он спит, будите его, пусть одевается! Скажите ему, что Нинка пришла...

– Да что вы говорите! Не. было тут никакого мужчины... Вы ошиблись, наверное...

– Женщина, не прячьте у себя чужого мужика, скандал будет! Будите его, не хрен ему тут рассыпаться! Его, между прочим, жена дома ждет!

– Да нет у меня никого, вы ошиблись, наверное... – стояла на своем Нина.

– Это я-то ошиблась? Да я своими глазами видела, как он на балкон к вам спустился!

– Наверное, спустился ко мне, а потом спустился вниз, на другой балкон... У меня никого нет...

– Бобков! – вдруг услышал он осерчавший голос Нинки. – Я нюхом чую, что ты здесь! Выходи, давай! Пригрели тебя уже, что ли, прикормили?

«Позлись-позлись, – думал Бобков, который тем временем перебрался из зала в спальню и спрятался на всякий случай за дверью. – В следующий раз будешь знать, как любовника с балкона спихивать!»

– Да что вы! – со спокойным удивлением отвечала Нина. – Нет у меня никого! О каком Бобкове вы говорите?

– Сволочь! Ну и черт с тобой, предатель хренов! – слышалось Бобкову. – Мерзавец, больше не приходи ко мне, я тебя на порог не пущу! Туфли свои хоть заberi, я их вчера во дворе подобрала... заberi вместе со своей курткой поганой!.. И чтобы духу твоего у меня не было!

И Бобков услышал звук упавшей на пол обуви. «Позлись, позлись, – со злорадством думал он. – Я вчера не так злился!»

Через полчаса, позавтракав и получив приглашение от Нины прийти к ней в гости еще раз, Бобков спускаясь по лестнице с пятого этажа думал о том, что если он помирится с Нинкой, то у него в одном месте, притом в одном подъезде будет сразу две любовницы – на выбор. И это будет ему наградой за пережитые страдания. А если не помирится с Нинкой, то... у него теперь есть Нина, и он ничего не потерял.

И на душе у него было приятно и радостно. «Какая деликатная... какая умница эта Нина, ни ухом, ни бровью не повела, что она о чем-то знает, ни слова, ни полслова не спросила, что да как, стало быть, я ей пригодился! Не то, что Нинка – грубая и бесцеремонная, никакого в ней обхождения, никакой деликатности... А Нина... Ниночка... о, надо будет завести с ней роман!»

Горе луковое

Лодочная стоянка на берегу Амура, окруженная дощатым забором. С противоположных сторон резким светом бьют два прожектора, освещая множество беспорядочно разбросанных по всей территории разнообразных сарайчиков и сараюшек. Это – рыбацкие «хижины», где рыбаки держат свое хозяйство – моторы, сетки, снасти, весла и многое другое, а иногда и спят здесь, упав на кучу какого-нибудь тряпья – то ли отдохнуть, то проспаться после удачной рыбалки и крепкой выпивки. У «хижин» там и сям припарковались автомобили.

На песчаный берег набегают небольшая пенистая волна. Тихо. Девять часов вечера, но сумерки уже сгустились. С реки слышится беспрестанный рокот моторных лодок. С берега лодок не видно, они угадываются на воде то вблизи, то в отдалении красными и зелеными огнями своих бортов.

Середина сентября. Днем еще жарко, иной раз свыше двадцати градусов, а ночью холодно, очень холодно, особенно когда из распадков сопок, расположенных на противоположном берегу реки, вдруг потянет леденящим дуновением, рожденным где-то далеко, в самых недрах Сихотэ-Алиньского хребта, – и тогда холод забирается под куртки, свитера, кальсоны...

Идет осенний ход кеты – самый ее разгар, горячая пора для этого города, благосостояние жителей которого и их достаток в большинстве семей в немалой степени определяется осенней рыбалкой, удачным выловом рыбы. Так заведено десятки лет. Кета – кормилица города, и полмесяца-месяц удачной рыбалки может обеспечить семью пропитанием и деньгами на весь год.

У самых ворот – домик сторожей, нанимаемых на летний сезон – небольшая дощатая избенка с невысоким крылечком и трубой над крышей. Высота трубы режет глаз, так как нелепо торчит значительно выше конька. Мужики зовут избенку сторожкой.

У сторожки – кучка мужиков. По громкому смеху угадывается какое-то постороннее оживление и веселье, несвойственное и этим суровым, однообразным будням и самой предночной поре и рыбацким делам и вызванное каким-то невероятным событием.

У крайней к сторожке лодки – двое. Они только что причалили, и каждый из рыбаков занят своим делом. Один – в шерстяной вязаной шапочке и меховой куртке, в болотных сапогах – сидит на корме и перебирает сети, аккуратно укладывает их, чтобы потом уложить в мешок, и они не запутались. Второй – высокий, в рыбацком комбинезоне, в шерстяном свитере грубой вязки – достает из кладовой носа лодки кетины, «хвосты», и укладывает их в мешки.

– Эй, Степан! – кричит кто-то из кучки мужиков, собравшейся у сторожки.

Высокий рыбак поворачивает голову в сторону сторожки и спрашивает:

– Чего тебе?

– Ходи сюда, дело есть!

– Чего-о?

– Ходи-ходи! Хватай пару «хвостов», самца и самку и дуй сюда, если с бабой позабавиться хошь!

Слышится взрыв смеха. Степан не удостоивает мужиков ответом. Розыгрышей и приколов в мужицкой среде хватает. Неосторожное, необдуманное слово или движение – и можешь попасться на удочку, а там могут и на смех поднять.

– Степан, да я не шую, – слышится от сторожки тот же голос. – Хошь у кого спроси...

– А харя у бабы не треснет – за две рыбины?.. – отвечает тот мужик, которого назвали Степаном. – Мне жена бесплатно даст, хоть всю ночь...

– Так-то жена, с ей неинтересно, а тут Танька – бабешка хоть куда... Да ты хоть глянь на нее!

Степан опять не удостаивает мужиков ответом и продолжает рассовывать кетины по мешкам.

– Не жадничай, скупердяй! Уже, небось, полтонны выловил! – слышится из кучки второй, тоже подначивающий голос.

– Сколько выловил – все мое, – спокойно отвечает высокий рыбак.

– А ты, Николай? – слышится опять голос из толпы, обращенный к другому рыбаку, сидящему на корме. – Не хошь бабу?

– На кой хрен мне эта баба сдалась, я этими делами не занимаюсь! Еще на винт себе намотаешь! – отвечает второй рыбак

– Тогда дайте Гаврилычу пару кетин, у него в бабе надобность имеется...

– Вот ты и дай! – отвечает на это Степан.

– Мы свою еще утром на базарчик свезли, счас только на тонь собираемся...

Рыбный базарчик – чуть выше стоянки, за песчаным бугром. Там с десятков-другой лодок стоят у берега, рыба лежит на носу лодки или в лодке, вокруг ходят покупатели – кто с мешками под мышкой, кто с тележкой, кто с рюкзаком, а кто приехал и на авто. Светят фары от лодок. Возвращающиеся с тони рыбаки причаливают лодки сначала на базарчике, чтобы распродать часть рыбы, излишек, окупить снасти, бензин, принести «живые» деньги в семью, а остальную рыбу – про запас, еда на зиму. Кто покупает, не торгуясь, а кто выжидает, когда мужикам надоест здесь торчать и они сбросят цену, не стоять же тут до утра, надо идти спать или обратно на тонь.

Степан делает какие-то распоряжения своему напарнику, а сам достает из нагрудного кармана куртки сигареты и идет к сторожке под тем предлогом, что ему надобно прикурить у кого-нибудь из приятелей. А заодно и узнать, из-за чего здесь сыр-бор разыгрывается...

Подходит.

– Дай-ка зажигалку, моя что-то отсырела... – обращается он к одному из мужиков, тому, что первым окликал его.

Закуривает.

– Ну, рассказывай, что тут у вас за публичный дом? – шутливо произносит Степан, обращаясь к мужику...

– Танька тут любовный концерт устроила, пару хвостов – и она твоя... – поясняет приятель.

– Ты уж, небось, отметился? – с ехидством спрашивает Степан.

– Я? Да ну!

– А че тут околачиваешься?

– Так, подурковать, еще рано на тонь идтить, грят, рыбинспекция счас шерстит...

– А сам бы, небось не против?

– Я? Да вот стою, кумекаю...

– А че кумекать-то? – сплевывает Степан. – Еще заразы понацепляешь, – с сомнением добавляет он.

– Не, тут не боись! Танька баба чистая, у нее все чин чинарем! С этими... с презервативами!

– Ну и что? Подумаешь! Резинка она резинка и есть, как пить дать какая-нибудь дрянь сквозь ее просочится!

– Ну, кто не рискует, тот не пьет шампанского! – пожимает плечами приятель. – Как хошь... А если Таньку не хошь, так одолжи пару «хвостов» Гаврилычу, вон он по берегу бегает, ищет, кто бы ему в долг дал пару хвостов.

– Пусть купит, – говорит Степан.

– Денег, говорит, счас нету, пенсия у его послезавтра... Вон, бедняга, мечется, приспичило ему бабу на старости лет...

– Седина в голову, а бес в ребро... – со смешком прибавляет кто-то из мужиков.
И опять следует взрыв смеха.

Гаврилыч – это сторож, старик лет семидесяти, заступивший на дежурство часа два назад. Видно, как в свете прожектора седой старик в камуфляжной робе перебегает от лодки к лодке, задерживаясь возле каждой из них какое-то время.

– Счас сюда примчится... Как пить дать! Там еще на тонь никто не ходил, он рыбы не найдет!!

На крыльцо выходит Танька – крепкая, дочерна загорелая бабенка лет тридцати, прижившая двоих детей от разных сожителей. Она из местных жителей, из ближайшей к лодочной стоянке слободки Комаровки. Добывать на пропитание таким способом – ее ремесло.

– Ну что, есть желающие? – спрашивает она. – Ну, смелее, пока я добрая!

– Счас Гаврилыч одолжит пару хвостов и прибегнет к тебе...

В путину не до баб. Мужики грязные, потные, пропахшие рыбой, притом одетые в такую одежду, которую и долго скидывать, и долго потом надевать – болотные сапоги, портянки, комбинезоны, а то и резиновые костюмы, в которые влезаешь, как в спальный мешок. А под костюмом теплые кальсоны, свитер, а то и два, фланелевая рубаша, да сверху комбинезона еще куртка..

– Таньк, дашь за одного самца? – шутит один из мужиков.

Танька, тертая и битая жизнью, за словом в карман не лезет:

– За самца дам тебе... только понюхать!

Мужики хохочут.

– А за самку хорошую?

– Ну, если за хорошую, то дам... на полшишечки...

Мужики опять хохочут.

Танька уходит обратно в избенку, говоря:

– Надумает кто, так я жду...

Она возвращается в сторожку, отданную на это время в ее распоряжение. Здесь – сколоченный из досок топчан с тюфяком, застеленный простеньким, тоненьким одеяльцем, подушка. В углу – печка, на ней расставлены несколько закопченных кастрюль разного калибра. Чувствуется сильный запах рыбы, горкой сваленной у двери на полиэтиленовую пленку. На крошечном столике стоит одноконфорочная плитка, а на ней чайник, закопченный и знавший под своим днищем огни костров и печек. У столика расставлены два табурета, крошечные оконца.

– Гля, Гаврилыч к нам обратно дует! Не нашел он там «хвостов», я же говорил...

Гаврилыч подбегает к сторожке.

– Ребята, кто с рыбалки? А? Одолжите пару хвостов, ей-богу, отдам. Пенсию получу, деньгами отдам!

– Да нету, всю продали...

– А мы еще не ходили...

– Да я ж отдам, мужики! – умоляет он.

– Вон Степан с тоней пришел, у него проси...

– Степан, одолжи пару кетин, я восемь годов бабы не нюхал!.. Войди в положение, восемь годов его не чувствовал... Выручи, а?

Степан кряхтит, сопит, поднимает вверх брови в раздумье, закуривает еще одну сигарету – жаль расставаться с частью улова, пусть и небольшого, добытого тяжелым трудом, притом – на бабу. Отдаст ли сторож – еще неизвестно. Но сторож – фигура на стоянке важная, глядишь, лишний раз присмотрит за добром – да мало ли...

– Выручи, Степан, деда, пока в нем возможности не упали...

Снова слышится взрыв хохота. Лицо Степана искажается ехидной усмешкой.

– Да на что тебе баба, Гаврилыч? – спрашивает он.

– Говорю же тебе, что восемь годов, как моя умерла, я ж его восемь годов не чувствовал, войди в положение...

– Ну дык и успокойся!

– Что ты, Степан, скряжничаешь? – говорит приятель. – Одолжи ты деду два «хвоста», пусть он на старости лет напоследок побалуется!

– Как-нибудь обойдусь без советчиков! – отвечает Степан. – Много вас тут советчиков выискалось...

– Степ, войди в положение, – умоляет сторож. – Я ж с пенсии отдам...

Степан сердито сплевывает, хмурится, отшвыривает сигарету и говорит:

– Ладно, дед, иди, побалуйся, если приспичило...

Кричит своему напарнику:

– Никола! Дай Гаврилычу пару «хвостов» из моей доли, самца и самку...

Дед с мешком бежит к лодке. Степан сожалеюще вздыхает, говорит:

– Самку-то зачем? И самцами бы обошлась, а то самку ей подавай... Добро такое...

– Дак ить, Степ, Танька тоже хочет икорочки покушать! – говорит кто-то из мужиков.

Дед возвращается назад, держа две рыбины в мешке. Под смешки и иронические напутствия мужиков поднимается на крыльцо, открывает дверь и скрывается в сторожке.

Наступает тишина. Вид у мужиков равнодушный, хотя они сторают от любопытства узнать, что же там творится, хотя виду не подают.

Проходит пять минут, десять, пятнадцать... Мужики начали нервничать.

– Что он там, старый?

– Ого-го! Однако разохотился!

Вскоре из сторожки доносятся голоса: мужской – просящий, виноватый, и женский – то сердитый, то насмешливый, явно отказывающий. Затем женский голос звучит резче и непреклонней.

И вдруг открывается дверь и на пороге сторожки показывается старик. Он тут же опускается на ступеньки крылечка, плечи его опущены, а вид весь убитый. По щекам текут слезы, которых он не стыдится.

– Ты чего, дед? – спрашивают его.

– Ведь стоял же, стоял, а тут в самый момент отказал! – сокрушенно проговорил он. – Хоть бы тебе што, не хочет, гад такой, подниматься... Я ж его ошпущал, он тверденький такой был... – сокрушается сторож.

Мужики улыбаются, слышатся смешки, кто-то старика утешает. Собирается еще большая толпа.

– Ты бы его погладил, помял руками...

– Да гладил... И Танька гладила и мяла, и я гладил... Восемь годов без бабы... отвыкший он... вот и отказал...

– Эх, старый-старый! Два «хвоста» спортил, бабе за здорово живешь на курок положил! – насмешливо изрекает Степан.

– Не спортил, а Таньке подарил! – поясняет его приятель. – Кровушка взыграла в нем при виде Таньки, а возможностей нету... Бывает! Она-то старому во внуки годится...

Вдруг сторож спохватывается, как будто что-то его осенило или он что-то вспомнил. Он поднимается и говорит:

– Погодь следующий входить... Рыбу-то пусть вернет... Я ж этого... ничего...

Входит в сторожку, дверь не закрывает. Мужики слышат:

– Ты че, Гаврилыч? Встал у тебя, что ли? Дверь хоть тогда закрой...

– Ты, Таньк, рыбу-то верни назад...

– Чего-о? С какой стати?

– Верни рыбу, говорю... Я ведь с тобой не поигрался...

– Ишь ты какой! У меня, что ли, не встало? Я вот она, бери-не хочу! На-на, бери! Что стоишь, как истукан?

– Верни рыбу, Таньк, по справедливости верни...

– Да? По справедливости? А кто хер твой сморщенный мусолил? Кто муди твои черные наглаживал? А кто дышал на горе твое луковое?! Или не я?.. Иди-иди, старый, я свои два хвоста заработала!

– Тогда убирайся отседова!

– Ну и подумаешь! Напугал... Ну, и уберусь! Не одна тут стоянка такая, вашего брата на мою жизнь хватит! Счас и уберусь!

– Вот и вали, чтобы духу твоего не было!

Старик выходит и опять садится на крылечко, удрученный и убитый от повторной неудачи.

– Ладно, Гаврилыч, – утешает его кто-то. – Ты ее не гони, пусть она себе тут кувыркается, и нам заодно потеха... А мы простим тебе должок... Простим, а Степ?

Степан молчит – значит соглашается.

– Ведь он стоял, мужики... Я ж его чувствовал, такой был тверденький...

– Ладно тебе, дед... У нас и со своими-то бабами не каждый раз получается...

– Ведь он же стоял... Ведь я его чувствовал, – сокрушается дед.. – Восемь годов без бабы...

– Ты Таньку-то не гони, оставь Таньку-то... Пусть себе на жизнь зарабатывает...

Дед плачет и размазывает слезы по щекам. Мужики продолжают утешать его.

Неосторожность

Алексей Алексеевич Копцов, 40-летний генеральный менеджер одной крупной торговой компании, солидный, полноватый господин, давно лысеющий и с брюшком, носивший всегда яркие галстуки и мешковатые костюмы, зачесывающий прямые густые волосы назад, в последнее время частенько стал задерживаться на работе. То в девять вечера придет, то в десять, а то и за полночь заявится. И это немудрено – у него появилась любовница, новая молоденькая секретарша Ангелина. Наталья, благоверная, сразу почуяла неладное. И не только потому, что муженек стал задерживаться, и неоправданно, допоздна. Но и по тому, что, во-первых он заметно похудел, этак даже постройнел; во-вторых, он почти совсем перестал спать с нею, то есть, худо ли, бедно ли, хотя бы с грехом пополам, хотя бы разок в декаду, но все-таки исполнять положенный ему супружеский долг; он уклонялся от интимной близости с упорной изощренностью школьника, нежелающего учить ненавистный урок, под самыми различными предложениями, банальными и смехотворными: то у него голова болит, то устал на работе, то настроение не соответствующее; в третьих, он стал подсмеиваться над тем, как она одевается, и вообще стал критиковать ее; в четвертых, в семейную казну от него стало поступать заметно меньше денег; в пятых ...впрочем, мало ли еще деталей и мелочей, которые может заметить и обнаружить в муже подозревающая его в измене жена. Обнаружить сразу, вдруг, и не обязательно явными уликами, или заметить с течением времени, когда ход налаженной супружеской жизни вдруг начинает давать сбои. Словом, супружница поняла, что у него появилась О Н А.

Супруга уже не один раз намекала ему на то, что он совсем от семьи отбился и вообще, мол, что это такое значит – эти поздние возвращения, но он продолжал свое.

– Ты знаешь, сколько сейчас появилось работы? – толковал он ей как-то за ужином, насильно запихивая в себя приготовленный ею шницель с жареным картофелем, так как уже отужинал в другом месте. – Знаешь? Нет, не знаешь! Я еле-еле выгребая... Ведь наша компания стремительно расширяется, у нас филиалов уже шесть штук в разных городах, да еще розничная торговля... Да мы скоро заткнем за пояс этих чертовых монополистов!.. И чтобы все это сейчас разгрести и наладить дело, мне понадобится целый год, не меньше, непрерывного каторжного труда! Не меньше!

– Но ведь у вас розничной торговлей, кажется, занимается Путайкина, – робко заметила жена, немного знавшая его дела. Зная прежде, но не теперь.

– Путайкина? Ну что Путайкина?.. Конечно, розницей занимается Путайкина, но она еще сырая, как непросохший веник. Шеф так и сказал про нее, и мне поручил контролировать ее. Причем каждый ее шаг в буквальном смысле!.. А вот картошечку ты, милая, передержала на сковородке, она у тебя совсем-совсем высушенная...

Женушка невесело вздохнула, так как и тут муженек выдал себя с головой, ибо картошечка была приготовлена ею совершенно в его вкусе, как он любил – сильно поджаренная, сухая, «хрустка», как он выражался когда-то, в лучшие времена. И всегда он ее с аппетитом съедал, «схрустывал» в любом количестве, сколько ни приготовь. А теперь уже подзабыл об этом. Значит и вкусы у него теперь за это время поменялись и картошечку где-то и кто-то готовит ему в другом месте и по-другому.

– А куда мы в этом году отдыхать поедem? – все так же робко спросила жена.

– Что ты! Что ты! – воскликнул Копцов, замахав руками, и даже вилку положил на тарелку и жевать перестал. – Даже забудь об этом! Никакого отпуска в этом году не жди!.. Нет, ты, конечно, поезжай, а я – ни-ни-ни!

Он, наконец-то, с трудом одолел шницель, перевел дух от неимоверной сытости, расстегнул ремень на брюках, откинулся на спинку стула и проговорил, как говорил когда-то после еды, в далекие времена, когда вернулся после службы в армии и начинал ухаживать за нею:

– Ну, вот, слава богу, заморили червячка, теперь и умереть не страшно...

Она отлично видела его сытость, отлично понимала, что он перед нею разыгрывает дурака, изображая наевшегося от этого шницеля человека, – видела, но... помалкивала.

– И, знаешь, мне только за два месяца, за июль и август, предстоят три командировки – в Рязань, в Ижевск и в Орск, в эту степь далекую... Там везде мы открываем филиалы... Говорят, в этом Орске летом жарница страшная!.. Просто голова идет кругом, не знаю даже с какого города начинать... То ли в степь сначала ехать, то ли в Рязань...

– Значит, ты предлагаешь мне ехать в отпуск одной? – спросила она.

– Конечно! Одной тебе лучше будет. Хочешь, езжай в Анталию, а хочешь в Италию... А я... – Копцов шумно и тяжело вздохнул и скорбно-озабоченно сдвинул к переносице свои жиденькие бровки. – Я сейчас, милочка, такой замороченный работой... такой замороченный, что если б я с тобой поехал, то, наверное, и на дне морском бы о работе думал... как бы мне эти филиалы устроить наилучшим образом...

– А дети? Ты об этом подумал? Куда мы детей пристроим, если я уеду? Ты ж будешь все время занят...

Их дети – одиннадцатилетний Никита и восьмилетняя Кира – учились в школе.

– Нашла тоже, милочка, проблему! – беззаботно воскликнул Копцов. – Что мы с тобой сироты какие-нибудь? – Копцов поднялся из-за стола и прошелся по кухне. – У нас с тобой на двоих и теща есть с тестем, то бишь, твои родители, и свекровка есть, то есть моя мать...

– Твоя мать не очень-то разбежится две недели с детьми побыть, – заметила Наталья.

– Зато твои позаботятся о них с удовольствием! Они же в них души не чают...

– Они, кажется, тоже в отпуск собираются... куда-то на Кубань, к родственникам матери...

– Не беда! В оздоровительный лагерь детей пристроим! Кира поедет с превеликим удовольствием, она мне в прошлом году все уши про лагерь, про это «Солнышко» прожужжала, а Никиту мы как-нибудь уговорим не бросать сестру... В конце концов мы с тобой люди не бедные, для этого дела найдем на месяц няньку...

Наталья смиренно вздохнула и покорилась мужу, как покорялась ему всегда. Он, как всегда, решал за всех – и за себя, и за нее, и за детей, ей это нравилось в нем по молодости, наверное, за это она его и полюбила, тогда еще стройного, спортивного, подтянутого, уверенного в себе парня с густой пышной шевелюрой на голове...

Весь этот месяц Наталья помалкивала, по обыкновению, лишь наблюдала за его поведением и делала выводы. У мужа появилась привычка по возвращении со службы сразу же нырять в ванную комнату под душ. А после душа прыскаться душистым и очень пахучим одеколоном. И почему-то он всякий раз после возвращения с работы стал смазывать свое достоинство вазелином – она это нечаянно подсмотрела один раз. Но затем по мере уменьшения толщины тюбика Наталья поняла, что он пользуется вазелином регулярно – тюбик с вазелином лежал в прихожей на столике трюмо. А то еще, заметила она, он стал пользоваться обеззараживающим средством – жидкой перекисью водорода. Зачем, спрашивается?

И Наталья, неглупая и опытная женщина поняла, что вазелином он пользуется по нескольким причинам: у ее соперницы, скорее всего, узкое и неглубокое влагалище, в котором до крови натирает ее благоверный свое немаленькое достоинство. А вазелин умягчает кожу и утишает боль. Или у этой женщины, наверное, еще совсем молоденькой, выделяется мало смазки. Но не исключено, что муженек наскакивает на нее, как кобель на сучку, скорей да скорей, без ласк, без подготовки, без разогрева, как всегда это делал и с ней, по своему обыкновению. А перекись водорода?... Что ж! Тут, скорее всего, дело в том, что благоверный не уверен в своей новой пассивности, в ее чистоте, в том, что она не спит с кем-нибудь другим, вот и боится, обеззараживая себя перекисью... Притом, перекись быстро заживляет ранки – быстрее любого йода – вот и разгадка всего.

Как-то уже в конце июля, перед самым ее отпуском, – а отдыхать она решила в турецкой Анталии, – и за несколько дней до того, как детям отправиться в загородный оздоровительный лагерь, ее муж возвратился домой около полуночи. Как обычно, он сразу нырнул в ванную под душ, и с четверть часа она слышала в ванной шум текущей воды. Затем щелкнул выключатель, – и она услышала, как муж перебрался в прихожую, и она поняла, что он остановился перед трюмо и начал свои почти ежедневные процедуры. Он что-то там трогал, передвигал, открывал ящички трюмо, и слышался легкий стук переставляемых с места на место флаконов и... Причем, свет в прихожей муж не включал, чтобы, наверное, лишний раз не беспокоить жену, не будить ее, а пользовался косвенным светом из ванной комнаты.

Затем стало темно, и несколько минут стояла полная тишина, – это означало, что муж снова зачем-то перебрался в ванную комнату. Наверное, забыл побриться, думала Наталья, а брился он всегда только вечером, перед самым сном.

И вдруг обвальный, жуткий вопль заставил Наталью подскочить на кровати. Не сразу она поняла, что вопль этот раздался из ванной комнаты. Она резво поднялась, зажгла ночник, схватила халат, накинула его на себя и побежала на душераздирающие вопли, которые издавал муж из ванной комнаты. «Господи, что же случилось? – с тревогой думала она. – Порезался, что ли? Он ведь жутко крови боится...»

Дверь в ванную оказалась закрытой. Она постучала, но муж не открывал, только издавал свои ужасные вопли, от которых мороз подирал по коже. Как будто его пытали электрическим током, жгли горячим утюгом или резали тело по-живому.

– А-а! О-о-о! – доносились из ванной. – У-у-у! О-о, будь все проклято!

– Да открой же ты! – стучала она в двери. – Что ты орешь? Что случилось?

Затем дверь открылась, и муж выполз из ванной на корточках, держась обеими руками за причинное место и все так же воя. Затем он, то вставал на ноги, то снова опускался на корточки, то крутился, как юла, то бегал по прихожей, а потом – из прихожей в зал, а из зала – в спальную, затем обратно в прихожую – и так по кругу, как белка в колесе... И при этом передвигался так стремительно, что перепуганная Наталья едва успевала уступать ему дорогу. И все это время он не отпуская рук от паха, издавая свои истошные, душераздирающие вопли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.